

• Автор: [Вадим Штепа](#)

Тоталитарный постмодерн

Лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов недавно [предложил](#) изменить 13-ю статью российской Конституции, которая не допускает установления в стране какой-либо государственной или обязательной идеологии. По словам Миронова, «если бы появилась у нас государственная идеология, я считаю, было бы правильно».

Примечательно, что сам Миронов никак не описывает эту предполагаемую «государственную идеологию». Здесь, скорее всего, отразилась некая бессознательная интуиция – он чувствует, что дозволенные в нынешней России идейные рамки постоянно сужаются, но не может конкретно сформулировать, в чем они состоят.

Возможно, в этом предложении проявилось также стремление лидера «эсеров» зафиксировать безусловную лояльность своей партии Кремлю, что он счел полезным в предвыборный период. «Справедливая Россия» готова полностью придерживаться «государственной идеологии», критикуя лишь отдельные тактические нюансы в политике своей «старшей сестры» – «Единой России». Времена фронды 2011-2012 годов, когда «эсеры» участвовали в массовых протестных демонстрациях с белыми лентами, надежно забыты, а те, кто всерьез посчитал «Справедливую Россию» оппозицией (Илья Пономарев, Дмитрий Гудков) исключены из партии.

Психологически Сергей Миронов остается глубоко советским человеком и потому не понимает, что сегодняшнему Кремлю как раз не нужна никакая «государственная идеология». Это во времена СССР, когда Миронов был комсоргом, всем полагалось верить в истины «марксизма-ленинизма». И официальная советская идеология не допускала никаких отклонений от этой доктрины.

Сегодня же ситуация принципиально обратная – Кремль как раз не хочет себя сковывать никакими идеологическими рамками. Его современная политика опирается на технологии, а не на идеологию. Точнее, она может использовать элементы самых разных идеологий для поддержания устойчивости своей власти.

Например, Владимир Путин в своих выступлениях [цитирует](#) русского философа Ивана Ильина, известного как один из непримиримых критиков коммунизма. Но при этом главным государственным праздником современной России, который год от года отмечается все громче и влечет за собой реставрацию советской риторики и символики, является День победы 9 мая.

У официальных политиков расхожими являются ссылки на «многонациональный народ России», а также на геополитическую доктрину «евразийства». Однако это ничуть не помешало российской пропаганде с 2014 года оправдывать аннексию Крыма и агрессию на востоке Украины интересами «русского мира». Еще в 2008 году Путин [назвал](#) себя и Медведева «русскими националистами» (хотя и «в хорошем смысле слова»). Но при этом режим Рамзана Кадырова остается главным форпостом Кремля на Северном Кавказе.

За последние годы российская пропаганда привыкла нещадно критиковать Европу, упрекая ее в «бездуховности», «отходе от традиций» и т.д. Иногда даже возникает впечатление, что кремлевская власть намеренно хочет возродить мировоззренческий «железный занавес» эпохи холодной войны. Но на Петербургском экономическом форуме текущего года российский президент вдруг смягчил риторику, [призвал](#) «вернуть доверие в российско-европейские отношения». Однако стоит послушать известных российских телепропагандистов – например, Дмитрия Киселева или Владимира Соловьева – и о каком-то взаимном доверии с Европой придется снова забыть. Европа (и Запад в целом) предстают в их программах как извечные враги России.

Не менее показателен и такой контраст – вот уже несколько лет российская власть и пропаганда призывают к «федерализации» Украины, требуя «учитывать права народа Донбасса» и т.д. Но при этом в самой России, несмотря на то, что она по своей Конституции является [федерацией](#), требование расширить политические и экономические права регионов воспринимается подозрительно и может быть приравнено к уголовно наказуемой «пропаганде сепаратизма».

Но идеологические противоречия уже никого не смущают. Патриарх Кирилл сегодня [оправдывает](#) сталинскую эпоху, которую «нельзя подвергать сомнению, даже если этот руководитель отмечен злодеяниями». А в Петербурге [устанавливают](#) мемориальную доску маршалу Маннергейму, который защищал Финляндию от сталинского нашествия. Московский университет путей сообщения теперь [называется](#) именем императора Николая II. Но при этом гордо [сохраняет](#) в своей официальной истории ордена Ленина и трудового красного знамени...

Подобные гибриды показывают, что Россия живет в ситуации идеологического постмодерна, когда наследие прошлых эпох причудливо смешивается. Может быть, это и следует записать в Конституцию как «государственную идеологию»?

В свое время философы Жиль Делез и Феликс Гваттари для характеристики постмодернистского общества ввели образ «*ризома*». Это специфическое строение корневой структуры, в котором принципиально отсутствует «главный» корень, но вся она состоит из переплетающихся и непредсказуемых в своем развитии побегов. Переноса этот ботанический образ в социокультурную реальность, Делез и Гваттари утверждали, что эпоха постмодерна аналогичным образом избегает какого-то «главного» идеологического нарратива, но представляет собой свободное множество интерпретаций.

Однако впоследствии Жан Бодрийяр несколько поправил слишком оптимистичных коллег. Он показал,

что в современном информационном обществе могут возникать чрезвычайно привлекательные *симулякры*, «копии без оригинала», которые выстраивают вокруг себя эту «ризому» и фактически обретают тоталитарный характер.

Таким характерным симулякром в нынешней российской реальности стал образ империи. Он ярко проявился в фактически официальной «доктрине Мединского» (министра культуры РФ), которая [утверждает](#) «преимущество исторического развития от Российской империи через СССР к современной России».

Конечно, никакой империи «в чистом виде» никогда не существовало. Но Мединский предлагает «примирить» ее различные исторические интерпретации («красные» и «белые»), и даже не обращать внимания на их фундаментальные различия. Главное – чтобы сохранялось само базовое, имперское, великодержавное мировоззрение.

Судя по его книгам, сам Мединский – довольно плоский «патриотический» идеолог. На складывание этой стратегии, скорее всего, гораздо больше повлиял другой кремлевский деятель – помощник президента РФ Владислав Сурков. Он знаком с современной философией и гуманитарными науками, что позволяло ему неоднократно технологически обыгрывать российскую оппозицию, которая зачастую мыслит слишком прямолинейно.

Сегодняшнюю политическую ситуацию в России можно охарактеризовать как тоталитарный постмодерн. Внешне там даже приветствуются многообразие и многопартийность. В сентябрьских выборах в Госдуму собираются принять участие около 20 партий. Идеологически вы можете быть православным монархистом, коммунистом или даже либералом – как президентский бизнес-омбудсмен Борис Титов со своей «Партией роста». Но главный критерий – лояльность кремлевской политике. Если же вы заявляете какие-то реально оппозиционные идеи – вас оболют грязным «компроматом» как Михаила Касьянова или просто не регистрируют (как «Партию прогресса» Алексея Навального).

Также показательно, что региональные партии в России (в отличие от европейских стран) уже много лет [запрещены](#) вообще – потому что они способны изменить весь контекст российской политики и возродить реальный федерализм вместо нынешнего симуляционного.

Российские оппозиционеры любят вести между собой идеологические споры на различные исторические темы. Кто-то более «левый», кто-то более «правый», кто-то оправдывает революцию 1917 года, кто-то отвергает... Причем эти споры часто увенчиваются конспирологическими обвинениями оппонента в «работе на Кремль». Хотя в реальности Кремль иронично наблюдает за обеими сторонами, потому что не ограничивает себя какой-то одной идеологией, но предпочитает выступать в роли «верховного арбитра».

Никакая «единая идеология» власти не нужна – она стала бы помехой для «гибридной» политики. Однако никаких проектов будущего у нее тоже нет – в кремлевском мировоззрении доминирует имперская реставрация. Вероятно, самой перспективной оппозиционной силой в России могла бы стать та, которая разработает и предложит обществу программу возвращения страны в современность. Но пока оппозиционерам не до этого – их увлекает «предвыборная борьба», в которой победитель заранее известен.

теги

[Identity](#)

[ideology](#)

[USSR](#)

[federalism](#)

категории

[Politics](#)